

[Некий агент по фамилии Вэй: Нет, Е Цянь сейчас на пике популярности, как она может оставаться в «Чжижань», которая пожирает своих артистов. Скорее всего, она хочет создать свою студию и работать самостоятельно. Компания не может просто так отпустить свою звезду, поэтому, вероятно, использует Е Цянь, чтобы проложить путь Цинь Сусу.]

[Сяо Цзинь: У Цинь Сусу, сколько бы у неё ни было связей, нельзя так вести себя. Брат Пэнфэй сегодня вообще не отдыхал, а она заставила его ждать два часа. Ну и наглость!]

[Сяо Цзинь: Надо бы позвать Дун Дашэня, чтобы он тоже пришёл, посмотрим, у кого связи круче.]

[Сяо Цзинь: Это просто издевательство.]

[Дун Чуань: Где в городе С снимают? Завтра приеду посмотреть, кто тут круче по связям. Я, Дун Чуань, ещё никому не проигрывал.]

[Ли Гун: .....]

[ДеньгиДеньгиДеньги: .....]

[Некий агент по фамилии Вэй: .....]

Маленький актёр, который обычно не связывается с агентствами, теперь взялся за модель.

Чэн Пэнфэй сидел на съёмочной площадке и пил овсяный коктейль, который Сяо Цзинь готовил ему каждый день по просьбе Дуна. Фруктовые хлопья, замоченные в йогурте на ночь, были сытными и низкокалорийными.

Фруктовые кусочки, пропитанные йогуртом, сохраняли насыщенный вкус.

После того как Чэн Пэнфэй присоединился к съёмочной группе фильма «Она», ему пришлось сесть на диету. Его персонаж, Лука, был трансгендером, и чтобы соответствовать высоким требованиям Бенджамина, ему нужно было сохранить юношескую внешность, почти бесполоую. Если бы требовалось подчеркнуть сложность гендерного конфликта через мужское тело, лучшим выбором был бы Дун Чуань.

— Брат Пэнфэй... Уже девять часов, а она всё ещё не пришла.

Чэн Пэнфэй допил последний глоток и посмотрел в сторону режиссёра, который, судя по всему, ругался по телефону. Он улыбнулся и достал телефон:

— Сегодня ведь ничего не запланировано, подождём.

[Сяо Даньта ведёт себя хорошо?]

[Да, съел две миски супа с рыбой.]

[Хорошо. Перед отъездом он мало ел, и у него была кровь в стуле, я думал, что это что-то серьёзное.]

[Ничего страшного, Ли Гун на следующий день отвел его к ветеринару, сказали, что это небольшое воспаление кишечника, пролечили. Три предложения, и всё о Сяо Даньта. Он твой мужчина или я?]

Чэн Пэнфэй посмотрел на никнейм в WeChat — «Маленькая петарда» — и подумал, что не зря так его назвал.

[Какие планы на сегодня?]

[Думаю... Мне нужно встретиться с моей первой любовью.]

[.....Кто?]

[Не скажу, а то потом будешь злиться.]

Хотя он говорил о первой любви, Чэн Пэнфэй не волновался. Он продолжил переписку, не обращая внимания на его шутки.

С Дуном время пролетало незаметно. Чэн Пэнфэй сидел в кресле-качалке, переписываясь с ним, когда услышал шум у входа. Подняв глаза, он увидел, как в помещение вошла высокая, стильно одетая девушка, окружённая свитой. Она не сняла очки и молча прошла в сторону.

Режиссёр, едва сдерживая гнев, приказал исполнительному режиссёру передать ей сценарий, а сам вышел на улицу, чтобы выкурить сигарету и успокоиться.

В рекламе Чэн Пэнфэй играл богатого наследника, который влюбляется в танцовщицу в баре. Не сумев добиться её расположения, он снова и снова возвращается туда, принося цветы за кулисы.

Но однажды танцовщица исчезает, оставив ему лишь соблазнительный силуэт и помаду на туалетном столике.

Реклама была необычной, представляя собой мини-фильм, разделённый на несколько частей.

Первый раз танцовщица появлялась с помадой одного оттенка, затем, когда она покидала богатого наследника, и, наконец, когда он находил помаду на столике, это были уже другие оттенки.

Помада символизировала тайну и соблазн.

Маленькая модель, хоть и не умела ничего особенного, была мастером соблазнения. На сцене она кокетничала, а режиссёр, наблюдая за этим, едва не рвал на себе волосы.

Его представление о загадочной и пленительной танцовщице превратилось в образ маленькой соблазнительницы из ночного клуба.

Сюжет, однако, был интригующим.

— Пэнфэй, когда ты войдёшь в комнату, сначала увидишь туалетный столик, сделай крупный план, а затем, когда пойдёшь к балкону, покажи замешательство и облегчение.

Чэн Пэнфэй кивнул и, услышав команду «Мотор», мгновенно преобразился. Он вошёл в комнату с букетом белых роз, осмотрелся и увидел помаду на столе.

Но тот, кого он искал, исчез.

Чэн Пэнфэй быстро подбежал к балкону, огляделся и, увидев закат, улыбнулся, словно что-то понял.

Он вернулся в комнату и заметил на зеркале отпечаток губ.

Хотя на этом сцена должен был закончиться, Чэн Пэнфэй продолжил играть. Он взял помаду, открыл её и внимательно рассмотрел.

Лёгкий аромат розы исходил от стержня. Чэн Пэнфэй посмотрел на своё отражение в зеркале и нанёс помаду на губы. Его тонкие губы приобрели нежный розовый оттенок, но это не делало его женственным, а лишь подчеркивало его харизму и глубину.

Эта помада принадлежала тому, кого он любил.

Чэн Пэнфэй широко улыбнулся, и боль от невозможности быть вместе исчезла, уступив место легкости и беззаботности богатого наследника. Он положил помаду в карман и вышел из комнаты. Лепестки белых роз рассыпались по полу, а камера, опускаясь вниз, запечатлела, как его ботинки раздавили лепестки, превращая их в размытый силуэт.

— Снято!

Режиссёр был в восторге от того, что Чэн Пэнфэй добавил в сцену что-то от себя, и тут же начал обсуждать с ним детали. В итоге он заставил маленькую модель переснять несколько кадров.

Цинь Сусу была в ярости. Сидя недалеко от Чэн Пэнфэя, она язвительно сказала:

— Ну и что, что он маленькая звезда? Единственный его фильм — «Безумец», и то его вытянул Дун Чуань. Кто угодно мог бы так сыграть. Зачем он тут выпендривается, как будто это съёмки фильма? Ещё и переигрывает.

Сяо Цзинь, услышав это, едва сдержался, чтобы не вступить в спор. Чэн Пэнфэй, однако, мягко улыбнулся и попросил:

— Пожалуйста, принеси мне воды.

Хозяин сказал — слуга сделал. Сяо Цзинь, чей характер был похож на взрывной нрав Дуна, понял, что Чэн Пэнфэй просто хочет избежать конфликта, и, фыркнув, вышел с термосом.

Увидев, что Чэн Пэнфэй не стал спорить и даже отослал своего ассистента, Цинь Сусу стала ещё более наглой:

— Вот и говорят, что у него нет связей. Даже такой крупный покровитель, как У Цзюнь, его не берёт. В этом мире нельзя быть таким высокомерным.

Едва она закончила говорить, как раздалась аплодисменты.

— Мисс Цинь, вы действительно мастер. Сами едите лапшу, но считаете, что другие не достойны даже супа, — с улыбкой сказал Дун Чуань, войдя в зал. Его слова были наполнены сарказмом.

Логика этой ситуации вызвала у Дуна восхищение — давно он не встречал такого откровенного идиотизма.

Услышав голос Дуна, Чэн Пэнфэй засиял. Вот почему он так долго не отвечал — он сам приехал.

И говорил, что встречается с первой любовью.

Чэн Пэнфэй покраснел, стараясь скрыть своё волнение.

Этот маленький актёр всегда любил подшучивать.

Цинь Сусу, как бы она ни презирала Чэн Пэнфэя, не осмелилась спорить с Дуном. Не говоря уже о том, что за ним стоял старый лис Дун Хай, даже его собственная студия могла бы доставить ей немало проблем.

Теперь она уже не могла говорить с прежней дерзостью и, вставая, сказала:

— Я... Я просто шутила с братом Пэнфэем, он ведь не обиделся, правда? Маленький актёр, зачем вы на меня злитесь?

Лицо Дуна, до этого улыбающееся, теперь потемнело:

— Шутки должны быть смешными, а ваши слова — просто невоспитанность.

Дун Чуань, который в интернете мог сбросить маску добродушия, впервые так резко высказался публично. Если бы кто-то другой задел его, он бы, возможно, сдержался. Но кто посмел тронуть Чэн Пэнфэя?

И ещё заявить, что у него нет покровителей?

Дун пристально посмотрел на Цинь Сусу, думая: «Сегодня я покажу всем, кто настоящий покровитель Чэн Пэнфэя».

<http://bllate.org/book/15547/1413541>